

УДК 94(470+571)“1917/1922”

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-48-60

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Орлов И.Б.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и мемуаров периода Гражданской войны реконструируются основные ценностные компоненты политической культуры россиян 1917–1921 гг. В центре внимания исследования – отношение населения к революции и новой власти, проблема легитимности большевистского режима в условиях масштабного вооруженного противостояния. Гетерогенность и мозаичность политической культуры периода Гражданской войны раскрывается на примере поведения различных слоев российского социума – интеллигенции, городских средних слоев, рабочих и крестьян. В итоге делается вывод, что победа большевистского варианта «государства нового типа» объясняется тем, что этот проект предусматривал реализацию традиционных представлений о российской государственности и давал надежду на лучшую жизнь. А противники большевиков не смогли предложить новых общественно-политических идей и смыслов человеческой деятельности.

Ключевые слова: Гражданская война (Россия), политический контроль, политическая культура, бунт, конформизм.

POLITICAL CULTURE OF THE SOVIET RUSSIA IN THE CIVIL WAR YEARS

I. Orlov

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

National Research University, Higher School of Economics

20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract. In the article on the basis of archival materials and memoirs of the Civil war period the main value components of the political culture of the Russians of 1917-1921 are reconstructed. The research focuses on the attitude of the population to the revolution and the new government, the problem of the legitimacy of the Bolshevik regime in a large-scale armed confrontation. Heterogeneity and mosaic character of the political culture of the Civil war period is revealed by the example of behavior of different strata of the Russian society - intellectuals, urban middle strata, workers and peasants. As a result, it is concluded that the victory of the Bolshevik version of the “state of a new type” is explained by the fact that it provided the imple-

mentation of traditional understanding of the Russian statehood and gave hope for a better life. But the opponents of the Bolsheviks could not offer a new socio-political ideas and meanings of human activity.

Key words: Civil war (Russia), political control, political culture, revolt, conformism.

Сразу обозначим ряд ключевых подходов к освещению данной темы. Во-первых, мы сознательно избегаем употребления термина «советская политическая культура» применительно к начальному периоду советской истории. С одной стороны, трудно говорить о первых годах большевистского режима как о периоде не то чтобы доминирования, но даже сколько-нибудь устойчивого формата политической культуры «нового типа». С другой стороны, в условиях масштабного вооруженного противостояния огромных масс населения, реалии Гражданской войны, военного коммунизма и чрезвычайщины демонстрировали широкий спектр идеалов, ценностей и традиций, составляющих основу политической культуры. Во-вторых, в данной статье рассмотрим только один (но базовый, на наш взгляд) аспект – отношение населения к революции и новой власти. Ведь именно проблема легитимности большевистского режима стала основной причиной раскола российского социума и «топливом», подпитывающим костер Гражданской войны.

В третьих, реконструкция базовых элементов политической культуры россиян периода Гражданской войны предполагает использование, прежде всего, массовых источников. Относительно населения на территориях, контролируемых советской властью, речь прежде всего идет о трех обширных комплексах документов: информационно-политических сводках о настро-

ениях населения, материалах прессы и «письмах во власть». Тогда как воссоздание политических представлений участников белого движения затруднено в силу фрагментарности и опосредованного характера документов антисоветского лагеря.

Материалы политического контроля как регулярной системы «сбора и анализа информации различными ветвями партийно-государственного аппарата о настроениях в обществе, отношения различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях» различных групп [9, с. 5], позволяют лучше уловить реальные настроения различных групп населения. Одной из главных задач образованного в 1919 г. Информационного отдела ЦК РКП (б) стала «постановка дела информации» во всех партийных организациях¹. В марте 1920 г. партийным циркуляром «О широкой партийной помощи ВЧК и особым отделам» все коммунисты, находившиеся в армии, превращались в осведомителей², а 2 сентября 1920 г. эта обязанность была распространена на членов партии, работающих на транспорте³. Более широкие возможности в этом отношении имела ВЧК, использовавшая институт осведомителей для негласного наблюдения за населением. С 1919 г. в практику вошли еженедельные (иногда ежедневные) сводки Секретного и

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 1.

² Там же. Д. 16. Л. 15.

³ Там же. Оп. 112. Д. 66. Л. 52, 87–88.

Особого отделов ВЧК. Больше всего чекистов интересовало отношение разных социальных групп к тем или иным мероприятиям правительства. Ведущим каналом информирования власти о настроениях красноармейцев были сводки политических и военнцензурных отделов, включавшие такие разделы об отношении к коммунистам и к советской власти¹. Сводки демонстрируют широкий спектр политических настроений и в армии, и среди гражданского населения.

Печать периода Гражданской войны – это, прежде всего, партийная периодика. По признанию В.И. Ленина, «... все вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс» в эти годы, можно было «проследить в зародышевой форме по тогдашней печати» [14, с. 14]. Впрочем, информативность прессы зависела, прежде всего, от характера изданий (официальные или независимые²), принадлежности (партийные, советские, профсоюзные и пр.), уровня (центральные, региональные, местные и т. п.) и их направленности – общественно-политические, художественно-литературные или сатирические. Ориентироваться во всем многообразии периодики рассматриваемого периода помогают обзоры периодики, готовящиеся отделом местного управления и бюро печати Наркомата внутренних дел, концентрировавшие интересующую нас информацию, в том числе из несоветских газет и журналов.

В-четвертых, важную роль в воссоздании политико-культурного пространства играет политический сим-

волизм, который составляет в политической культуре собственно «культуру» [28, р. 570]. В «советской» политической культуре не только шествия, демонстрации и митинги, но и любые «уличные игрища» были противопоставлены «бессодержательным формам, так называемого карнавала» за счет насыщения политическим символизмом [15, с. 158–160, 226, 237].

В-пятых, язык политической культуры революционной эпохи (особенно причудливые сокращения типа «замкомпомордел») непонятен без специального разъяснения. Кроме того, люди революционной эпохи пытались выражаться искусственным языком газетных передовиц. Особенно это проявлялось в письмах населения в различные властные институты и вождям.

Формат данной статьи не предусматривает обзора существующей литературы по проблематике политической культуры Советской России 1917–1921 гг. Так или иначе содержательные работы будут упоминаться при рассмотрении тех или иных сюжетов. Однако стоит упомянуть ряд работ, которые стали знаковыми явлениями в отечественной и зарубежной историографии. Прежде всего, речь идет о монографии В.П. Булдакова «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия» [2; 3], раскрывающей разные аспекты политической психологии и культуры масс революционной эпохи. Главным тезисом автора стало утверждение, что стихийное движение низов в революции и Гражданской войне выступает особой формой поиска своего пути и «выкристаллизовывания» из своей среды жизнеспособной власти, которой они

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 8. Л. 12–15.

² Независимая пресса была окончательно разгромлена в 1922–1923 гг.

готовы подчиниться. Важной вехой в изучении массовых политических представлений исследуемого нами периода стала работа О.В. Великановой, презентующая культ вождя в категориях «гражданской религии» и увязывающая культ с проблемами формирования новой общности и легитимации большевистского режима [6]. Развитием этой темы стала монография О.В. Великановой 2001 года [29]. Новая книга О. Великановой посвящена изучению массовых настроений в СССР в первое послереволюционное десятилетие – росту разочарований и кризису легитимности большевистской власти [5].

Исходя из вышесказанного, задачей данной статьи является реконструкция базовых элементов политической культуры россиян периода Гражданской войны. Научная гипотеза сформулирована следующим образом: *политическая культура 1917–1921 гг. имела гетерогенную структуру (наличие просоветских, антисоветских и конформистских элементов) при довольно широком спектре настроений (мозаичности) внутри этих субкультур.*

* * *

Что касается *интеллигенции*, то ее большая часть восприняла большевистский режим негативно, так как ее ценностные установки не совпадали с коммунистической моралью. Впрочем, были представители интеллигенции, поддержавшие новую власть в силу профессиональных или прагматических причин. Хотя были в интеллигентской среде и разделявшие идеи социализма. Несмотря на то, что ре-

волюции и Гражданской войны развеяли иллюзии и не оправдали надежды, какая-то часть представителей интеллигенции сделала выбор из двух зол в пользу большевиков, так как опасались «термидора» и мщения со стороны привилегированных слоев. Лояльности части интеллигенции по отношению к большевистскому режиму способствовала и избирательность власти в отношении инакомыслящей прессы.

Политическая культура неквалифицированного слоя *рабочих* во многом совпала с интересами партийного и советского аппарата. Именно из числа малоквалифицированных рабочих рекрутировались красногвардейцы и члены продотрядов. Тогда как квалифицированные рабочие встретили новую власть без особого энтузиазма. Часть из них испытывала ностальгию по «царистскому прошлому», часть быстро разочаровалась в идее гегемонии рабочего класса. Рабочий из Воронежской губернии в декабре 1918 г. сетовал, что «демократия выродилась в советократию». Еще один рабочий в 1920 г. обращал внимание председателя Совнаркома на то, что между властью и пролетариатом «вырастает стена коммунистов урожая 1919 года» – носителей культуры нетерпимости, убежденных в возможности силового решения любых проблем.

Гражданская война существенно изменила основные смыслы человеческой деятельности в политической сфере. В норму жизни превратились попрание элементарных человеческих прав, отказ от исполнения воинского долга и массовое дезертирство. Идеологически окрашенный «красный» террор, усиленный потоком революционных

инициатив снизу, стал механизмом инфильтрации в повседневную жизнь насилия. Тогда как лишенный идеологических оснований (но нередко выходящий за правовые рамки) «белый» террор порождился, в большей степени, мстью и анархией. В целом террор («белый», «красный» или «зеленый») был деструктивной силой и фактором деморализации всех его участников.

Городские средние слои в большей мере (около половины политических требований) склонялись к «спасению» демократии и установлению конституционных порядков. Но не следует преувеличивать степень осознания ими политических идеалов: требование передачи власти Учредительному собранию присутствовало не более чем в 10% выступлений. Тем не менее идея «Учредилки» преобладала над лозунгом «Вся власть Советам!». В свою очередь, крестьяне и значительная часть рабочих не поддержали лозунг возвращения власти Учредительному собранию: легитимации нового режима способствовали обещания мира, земли и хлеба. В итоге «Учредилка» превратилась в политический лозунг только противников большевиков.

При этом значительная часть населения связывала с революцией позитивные изменения в своей жизни. Новая власть на практике сумела эффективно использовать миф «революционного обновления мира» [13, с. 138]. Вера в то, что советская власть превратится в истинную власть трудящегося народа, явно присутствует во всех письмах на имя В.И. Ленина и других вождей. Хотя были и письма-предупреждения, информирующие председателя Совнаркома о властных злоупотреблениях. Сохранялась тра-

диционная для россиян иллюзия, что от высшей власти скрывают правду.

Помимо насыщенной событиями Гражданской войны, весомым фактором формирования политической культуры населения стала политика, проводимая советскими и антисоветскими правительствами. В первую очередь, таким фактором стала политика военного коммунизма, отношение к которой различных слоев российского социума имело свою специфику.

Среди горожан в этом плане наиболее политизированными оказались «новые» средние слои (служащие, члены старой милиции и офицеры военного времени, поступившие на службу после развала старой армии), опасавшиеся тем не менее использования радикальных средств. Они, прежде всего, боялись конкуренции со стороны «низов» общества. Малоаметным было и участие в протестах против большевистского режима «старых» средних слоев города – торговцев, ремесленников и пр. Активно против экономической политики большевистского правительства выступали лишь торговцы, существенно «прижатые» новой властью летом 1918 г.

Исследование поведения средних городских слоев 200 провинциальных городов 14-ти губерний Центральной России опровергло вывод советской историографии о мирном «триумфальном шествии Советской власти». Большевики смогли установить контроль над горожанами и добиться их лояльности лишь к осени 1918 г. Отмечается высокий удельный вес (более трети от общего числа) умеренных антисоветских выступлений¹ в конце октября

¹ Стихийных (намного реже – подготовленных) мирных выступлений, численность участ-

1917 – августе 1918 гг., что подтверждает вывод о сдержанном политическом поведении городского обывателя. Тогда как под определение радикально-контрреволюционных¹ попадала лишь пятая часть всех выступлений.

При этом протестная активность городских средних слоев напоминала маятник. Для первой волны (конец октября – ноябрь 1917 г.) была характерна широта и умеренность требований: в основном словесные и письменные осуждения вооруженного восстания в Петрограде и вооруженного противостояния на местах. Вторая волна выступлений весной 1918 г., вызванная вторжением большевиков в сферу экономических интересов городского населения, была не столь широкой, но отличалась радикализацией выступлений. 58 восстаний (не считая других протестных выступлений) против большевистского режима свидетельствовали о возникновении не свойственных «мирным обывателям» радикальных форм поведения. Необычное для городских обывателей преобладание политических требований над экономическими можно объяснить тем, что почти две трети выступлений пришлось на период «триумфального шествия Советской власти», когда горожане подверглись преимущественно политическому прессингу со стороны коммунистической власти. Однако среди политических требований можно заметить полное отсутствие монархических заявлений и небольшую долю прямых антисоветских и анти-ников которых не превышала сотен и сводилась к частным обвинениям власти.

¹ В своем большинстве организованных (главным образом насильственных), с тысячами участников и с прямыми призывами к свержению коммунистической власти.

большевистских заявлений и, особенно, призывов к сопротивлению власти.

Призывы к перевыборам местных советов для удаления из них большевиков также звучали крайне редко. Это не подтверждает мнение о разделении горожанами лозунга «Власть Советам, но без коммунистов». Это относится и к популярности у городских обывателей идеи «однородного социалистического правительства». Не нашли подтверждения и утверждения о ключевой роли белогвардейцев в антисоветских восстаниях в Центральной России. Восстания в Муроме и Ярославле в июле 1918 г. являются скорее исключениями. Несмотря на влияние на средние слои города профессиональных союзов, 2/3 выступлений были стихийными или самоорганизованными. Редкость экономических требований в протестных выступлениях средних городских слоев объясняется недоверием их к Советской власти и ожиданием ее скорого падения.

Чаще всего городские средние слои были неспособны на самостоятельные протесты и поддерживали другие группы населения, и прежде всего, рабочих. Впрочем, большинство среднего городского слоя скептически относилось к совместным выступлениям как с рабочими, так и с представителями буржуазии. В ряде случаев «средние» горожане примыкали к крестьянским волнениям, но возможности такого союза ограничивались противоречиями между городом и деревней. В силу того, что только 10% выступлений были массовыми (несколько тысяч участников) и менее 5% длились более недели [11], можно говорить об отсутствии широкого антисоветского фронта в городских поселениях Центра России. Стоило большевикам раз-

вернуть “красный террор” (включая применение войск, аресты и расстрелы), как мещанство затихло, стараясь приспособиться к новому строю.

Настроения *рабочего класса* колебались еще в большей степени. Формированию антибольшевистских центров способствовал целый ряд факторов и, прежде всего, промышленный и продовольственный кризисы. С одной стороны, рабочие сыграли существенную роль в формировании советских властных институтов, а с другой стороны, в становлении «демократической контрреволюции» на Урале и в Поволжье и в колчаковском перевороте [17, с. 30–31].

Впрочем, зачастую любые выступления рабочих новой властью расценивались как контрреволюционные и антисоветские. Например, контрреволюционным было заклеено движение петроградских и московских рабочих весной 1918 г. за созыв Всероссийской конференции уполномоченных фабрик и заводов. Митинг рабочих астраханских металлических заводов в марте 1919 г. был расстрелян из пулеметов, а бежавших в степи преследовала красная конница. Н.И. Бухарин в 1921 г. констатировал, что «диктатура пролетариата» не пользуется большой поддержкой самого пролетариата [4, с. 26; 8, с. 224–225].

Революционные процессы в российской деревне протекали преимущественно стихийно: *крестьянство* на местах делало революцию “в одном отдельно взятом уезде”, преследуя, прежде всего, цели расширения земельных наделов. При этом крестьянские представления о власти в целом оставались неизблемыми – «*мужицкое государство с добрым царем*». Хотя отмеча-

лись и довольно странные заявления, типа “*республики с хорошим царем*”. Но одновременно проявилась и тенденция к самоорганизации в масштабе не только уезда и губернии, но и всей страны. Об этом свидетельствовали решения многочисленных уездных и губернских крестьянских съездов осени 1917 – первой половины 1918 г.

Если сначала крестьянство в лице солдатской массы позволило большевикам прийти к власти, то в середине 1918 г., оно же стало массовой социальной базой обширного контрреволюционного фронта. Годом позже крестьяне (прежде всего середняки) способствовали победе большевиков в Гражданской войне, то еще через год заставили власть отказаться от радикальных планов переустройства крестьянского мира. Если в первой половине 1920 г. селяне предпочитали легальные способы борьбы за свои интересы (прежде всего крестьянские союзы), то уже с осени начались массовые крестьянские волнения и вооруженные восстания, сопровождавшиеся повсеместным оживлением «политического бандитизма» [17, с. 28–29].

Документов *крестьянского антибольшевистского лагеря* сохранилось крайне мало [20], да и то преимущественно в материалах чекистов. Судя по информационным сводкам ВЧК, основной формой крестьянского повстанческого движения на излете военного коммунизма стал бандитизм¹. Крестьянская война, охватившая весной 1921 г. Украину, Поволжье, Черноземье и Сибирь, в ряде регионов не затухала до осени 1923 г.: крестьянство явно отдавало предпочтение коллективным формам бунтарства.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Д. 2618.

Появление крестьянских вождей, ожесточенность противостояния, настойчивость требований и перерастание протестного движения границ отдельных регионов, – все это свидетельствует о коренном отличии крестьянского протеста периода Гражданской войны от аналогичных явлений начала XX века [7, с. 23; 24, с. 7, 12–13]. Тогда как поворот крестьянства к Советской власти, как это не поразительно, осуществлялся под лозунгом: «Мы против всех». Крестьянство хотело сначала выгнать «белых», а потом не пустить к себе коммунистов [23, с. 150–151]. Крестьянство боролось и с помещичьей реставрацией, и с военно-коммунистическими порядками [22, с. 15–16]. В общем: «Бей белых, пока не покраснеют. Бей красных, пока не побелеют».

В рассматриваемый период традиционные отношения власти и крестьянства постепенно сменялись революционными представлениями об устройстве мира. Но лозунг «Советы без коммунистов» сохранял свою популярность в крестьянской среде¹. Например, из 13 лозунгов, распространенных среди участников западносибирского восстания, чисто монархическим («С нами Бог и царь Михаил II») был лишь один, два лозунга призывали поддержать Учредительное собрание, а остальные 11 лозунгов можно свести к формуле – «Долой коммунистов, да здравствует Советская власть» [23, с. 156].

* * *

На полях сражений Гражданской войны сошлись не особо отличавшиеся

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1235. Оп. 1. Д. 19. Л. 3–4 об.

по социальному составу армии: удельный вес рабочих, крестьян и казаков в белой и красной армиях составлял 73% и 77% соответственно [26, с. 45; 18, с. 25]. Примерно равной была и численность офицеров старой армии, воевавших на стороне белых и красных: 100 тыс. и 75 тыс. [10]. Правда, в Красной Армии была довольно высока доля интернационалистов: 50 тыс. осенью 1918 г. и 250 тыс. летом 1920 г. Кроме того, оккупация части России и сотрудничество большевиков с немцами представляли для белых противника как «двуликого немецко-большевистского Януса» [12, с. 181–182].

Слабость антибольшевистского лагеря во многом обуславливалась неоднородностью представлений Белого лагеря о будущем России [16, с. 47, 171, 198]. Если среди бывших царских кадровых офицеров доминировали сторонники монархии (или, скорее, имперского строя), то свежее испеченные офицеры военного времени склонялись к позициям эсеров, а солдаты в своей массе были аполитичными [19, с. 17–18]. Потенциал борьбы с большевистским режимом ослабляло и разделение Белого движения на сторонников Германии и Антанты. Так, в октябре 1919 г. Северо-Западная армия генерала Н.Н. Юденича разгромила Западную армию, придерживавшуюся прогерманской ориентации [1, с. 123–125].

Базовой характеристикой политической культуры участников «белого» лагеря была жертвенность. Сложилось устойчивое мнение о национализме как основной идеологии «белого дела» (лозунг «Спасения Великой России» и отказ от партийных позиций), и государственничестве, патриотизме, пра-

вославию и приоритете законности как основных нравственных установок движения [21, с. 16, 24, 76; 28, с. 166, 172, 195]. Но надо признать, что у “белых” в годы Гражданской войны произошла существенная девальвация традиционных государственных и религиозных ценностей. Возможно, именно это стало причиной того, что “белые” в глазах значительной части россиян выглядели мятежниками.

Большинство населения (как в городе, так и в деревне) старалось уклониться от участия в Гражданской войне. От сменяющих друг друга правительств требовалось лишь одно – будут ли они фактором стабильности и гарантом интересов разных групп населения? Опыт «национальной диктатуры» генерала А.И. Деникина, «средней линии» адмирала А.В. Колчака, «левой политики правыми руками» генерала П.Н. Врангеля и «демократической контрреволюции» эсеро-меньшевистских правительств продемонстрировал их неспособность решить насущные жизненные проблемы [19, с. 20, 22].

Тогда военно-коммунистическая политика большевиков сумела приспособиться к интересам основной массы крестьянства и приобрести терпимые формы. Из-за попыток “белых” реставрировать старые земельные порядки, бесконтрольной реквизиционной и карательной политики крестьянство в 1919 г. из двух зол выбрало меньшее. Кроме того, у части селян и горожан сработала надежда на лучшую жизнь. А противники большевистского режима не смогли сформулировать новых смыслов и перспектив человеческой жизнедеятельности.

Не нашел поддержки у подавляющей части россиян и «третий путь» в

Гражданской войне с его лозунгами всеобщего избирательного права и политического плюрализма. С одной стороны, эсеровско-меньшевистские правительства не смогли осуществить свои программы. С другой стороны, их идеология не работала на консолидацию разнородных социальных и политических группировок. О том, что антибуржуазные лозунги Комуча не способствовали единству “мелкобуржуазной демократии”, позднее писал бывший начальник штаба войск Поволжского фронта генерал С.А. Щепихин [27, с. 77]. Так, созданные на востоке страны временные правительства не поддержали ни население, ни Народная и Сибирские армии. Крестьянство не поддерживало Комуч и не выступало против него: «Мы люди темные, повиноваться должны власти, уж какая она ни есть» [12, с. 184–185]. Крестьяне, не видевшие связи между Мировой и Гражданской войнами, вину за разжигание братоубийственной бойни возлагали на враждующие между собой партии.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что гипотеза о гетерогенности и мозаичности структуры политической культуры россиян периода Гражданской войны подтвердилась. Победа большевиков и их варианта государственного строительства объясняется наличием в большевистских планах общественного переустройства новых социальных, экономических и политических механизмов реализации традиционных образов российской государственности, которая презентовалась как основа нового миропорядка. Адекватными российской политической культуре оказались и идеи мессианского и все-

мирного предназначения советского государства, а также исключительной роли советского (читай: русского) на- рода в создании новых форм общественного устройства.

Статья поступила в редакцию 01.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый архив. Сб. материалов по истории и лит. войны, революции, большевизма, Белого движения и т.п.: в 3-х т. Т. 1 / Под ред. Я.М. Лисового. Париж: Музей современ. событий в России, 1926. 223 с.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 969 с.
4. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. 499 с.
5. Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.
6. Великанова О.В. Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и советская Россия // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 162–173.
7. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М.: Тульский полиграфист, 2000. 417 с.
8. Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 937 с.
9. Измозик В.С. Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах). СПб.: Санкт-Петербург. ун-т экономики и финансов, 1995. 164 с.
10. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988. 367 с.
11. Канищев В.В. «Мелкобуржуазная контрреволюция»: сопротивление городских средних слоев становлению «диктатуры пролетариата» (октябрь 1917 – август 1918 г.) // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 174–182.
12. Константинов С.И. Влияние взаимосвязи мировой и гражданской войн на психологический раскол российского общества // Человек и война (Война как явление культуры): сборник статей. М.: АИРО-XX, 2001. С. 181–189.
13. Левандовский А. Миф как средство легитимации власти в России (XIX–XX вв.) // Мифы и мифология в современной России. М.: АИРО-XX, 2000. С. 129–167.
14. Ленин В.И. Тезисы о продовольственной пропаганде // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 14–16.
15. Массовое действо. Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября и других революционных праздников / Под ред. Н.И. Подвойского и А.Р. Орлинского. М.;Л.: Гос. изд-во, 1927. 288 с.
16. Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск: СВНЦ, 1998. 220 с.
17. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Социально-экономические противоречия и государственная политика: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1998. 39 с.
18. Родина: Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал. 1990. № 10. 96 с.
19. Романишина В.Н. Социальный состав и идеология Белого движения в годы гражданской войны в России (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 23 с.
20. Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург: Оренбург. губерния, 1999. 314 с.

21. Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М.: МЮИ МВД России, 1996. 80 с.
22. Старостин Е.Н. Агитационно-пропагандистская работа организаций РКП(б) Центрального Черноземья в деревне в годы гражданской войны (1918–1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 1994. 18 с.
23. Телицын В.Л. Октябрь 1917 г. Крестьянство: поведенческий императив и хозяйственная обусловленность // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 143–158.
24. Телицын В.Л. Феномен крестьянского бунтарства (конец 1917 – начало 1921 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2002. 32 с.
25. Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. Н. Новгород: Нижегород. ун-т, 1995. 404 с.
26. Ципкин Ю.Н. Белое движение в Сибири: люди, идеи, реальность // Белая армия. Белое дело: Ист. науч.-попул. альманах. 1996. № 1. С. 31–48.
27. Щепихин С.А. Под стягом Учредительного Собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. Прага: Издание Общества Участников Волжского Движения, 1930. С. 165–213.
28. Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis // World Politics. 1977. Vol. 29. № 4. P. 552–583.
29. Velikanova O. The Publik Perception of the Cult of Lenin Based on Archival Materials. Lewiston; N.Y.: Edwin Mellen Press, 2001. 284 p.

REFERENCES

1. Belyi arkhiv. Sb. materialov po istorii i lit. voiny, revolyutsii, bol'shevizmu, Belogo dvizheniya i t. p.: V 3 t. T. 1 [The archive of the Whites. Coll. materials on history and lit. of wars revolution, Bolshevism, White movement, etc.: in 3 v. Vol. 1, ed. by Ya.M. Lisovoy]. Paris, Muzei sovrem. sobytii v Rossii Publ., 1926. 223 p.
2. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [The Red distemper. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 376 p.
3. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [The Red distemper. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 969 p.
4. Bukharin N.I. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 499 p.
5. Velikanova O.V. Razocharovannye mechtateli: Sovetskoe obshchestvo 1920-kh gg. [Frustrated dreamers: Soviet society in the 1920s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017. 295 p.
6. Velikanova O.V. [Functions of the image of the leader in the mass consciousness. Nazi Germany and Soviet Russia]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1997, no. 6, pp. 162–173.
7. Vronskii O.G. Gosudarstvennaya vlast' Rossii i krest'yanskaya obshchina v gody «velikikh potryaseni» (1905–1917) [State power in Russia and in the peasant community during the "great upheaval" (1905–1917)]. Moscow, Tul'skii poligrafist Publ., 2000. 417 p.
8. Desyatyi s"ezd RKP(b). Stenograficheskii otchet [The Tenth Congress of the RCP(b). Transcript]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 937 p.
9. Izmozik V.S. Glaza i ushi rezhima (Gosudarstvennyi politicheskii kontrol' za naseleniem Sovetskoi Rossii v 1918–1928 godakh) [The eyes and ears of the regime (State political control over the population of the Soviet Russia in the years of 1918–1928)]. SPb.: Publishing house of Saint Petersburg University of Economics and Finance, 1995. 164 p.
10. Kavtaradze A.G. Voennye spetsialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov. 1917–1920 gg. [Military experts in the service of the Soviet Republic. 1917–1920]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 367 p.

11. Kanishchev V.V. «Melkoburzhuaznaya kontrrevolyutsiya»: soprotivlenie gorodskikh srednikh sloev stanovleniyu «diktatury proletariata» (Oktyabr' 1917 – Avgust 1918) ["Petty-bourgeois counter-revolution": the opposition of urban middle class to the establishment of the "dictatorship of the proletariat" (Oct. 1917 – Aug. 1918)]. In: [The year 1917 in the destiny of Russia and the world. The October revolution: from new sources to new understanding] ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. Moscow, IRI RAN Publ., 1998, pp. 174–182.
12. Konstantinov S.I. Vliyaniye vzaimosvyazi mirovoi i grazhdanskoi voin na psikhologicheskii raskol rossiiskogo obshchestva [The influence of the world and civil wars relationship on the psychological split in the Russian society]. In: *Chelovek i voina (Voina kak yavlenie kul'tury). Sbornik statei* [Man and war (War as a cultural phenomenon). A collection of articles]. Moscow, AIRO-XX, 2001, pp. 181–189.
13. Levandovskii A. Mif kak sredstvo legitimatsiya vlasti v Rossii (XIX–XX vv.) [Myth as a means of legitimization of power in Russia (XIX–XX centuries)]. In: *Mify i mifologiya v sovremennoi Rossii* [The myths and mythology of modern Russia]. Moscow, AIRO-XX, 2000, pp. 129–167.
14. Lenin V.I. Tezisy o prodovol'stvennoi propagande [Thesis about food propaganda]. In: *Poln. sobr. soch.* T. 42 [Full. Coll. Op. Vol. 42], pp. 14–16.
15. Massovoe deistvo. Rukovodstvo k organizatsii i provedeniyu prazdnovaniya desyatiletiiya Oktyabrya i drugikh revolyutsionnykh prazdnikov (Pod red. N.I. Podvoiskogo i A.R. Orlinskogo) [The mass action. A guide to the organization and carrying out the celebrating of the tenth anniversary of the October and other revolutionary festivals. Ed. by N.I. Podvoisky and A.R. Orliński]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ, 1927. 288 p.
16. Medvedev V.G. Belyi rezhim pod krasnym flagom (Povolzh'e, 1918) [The White regime under the red flag (the Volga region, 1918)]. Ulyanovsk, SVNTS Publ., 1998. 220 p.
17. Pavlyuchenkov S.A. Voennyi kommunizm v Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie protivorechiya i gosudarstvennaya politika: Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk [War communism in Russia. Socio-economic contradictions and public policy: author. thesis. Doct. Hist. Sciences]. Moscow, 1998. 39 p.
18. [Rodina: Monthly socio-political scientific and popular illustrated magazine], 1990, no. 10. 96 c.
19. Romanishina V.N. Sotsial'nyi sostav i ideologiya Belogo dvizheniya v gody grazhdanskoi voiny v Rossii (1917–1920 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The social composition and ideology of the White movement during the civil war in Russia (1917–1920): abstract. thesis. cand. Hist. Sciences]. Moscow, 2001. 23 p.
20. Safonov D.A. Velikaya krest'yanskaya voina 1920–1921 gg. i Yuzhnyi Ural [The great peasant war of 1920–1921 and the southern Urals]. Orenburg: Orenburgskaya provincia, 1999. 314 p.
21. Slobodin V.P. Beloe dvizhenie v gody grazhdanskoi voiny v Rossii (1917–1922 gg.) [The white movement during the Civil war in Russia (1917–1922)]. Moscow, MYUI MVD Rossii Publ., 1996. 80 p.
22. Starostin E.N. Agitatsionno-propagandistskaya rabota organizatsii RKP(b) Tsentral'nogo Chernozem'ya v derevne v gody grazhdanskoi voiny (1918–1921 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Advocacy-propaganda organizations of the RCP(b) Central Chernozem region in the village during the Civil war (1918–1921): Abstract. thesis cand. Hist. Sciences]. Bryansk, 1994. 18 p.
23. Telitsyn V.L. Oktyabr' 1917 g. Krest'yanstvo: povedencheskii imperativ i khozyaistvennaya obuslovlennost' [October 1917. The Peasantry: behavioral imperative and economic conditionality]. In: *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya: ot novykh is-*

- tochnikov k novomu osmysleniyu* [The year 1917 in the destiny of Russia and the world. The October revolution: from new sources to new understanding]. Moscow, IRI RAN, 1998, pp. 143–158.
24. Telitsyn V.L. Fenomen krest'yanskogo buntarstva (konets 1917 – nachalo 1921) [The phenomenon of peasant rebellion (late 1917 – early 1921)]: Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, 2002. 32 p.
25. Ustinkin S.V. Tragediya beloi gvardii [The tragedy of the white guard]. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegor. University, 1995. 404 p.
26. Tsipkin Yu.N. [The white movement in Siberia: people, ideas, reality]. In: *Belaya armiya. Beloe delo: Ist. nauch.-popul. al'manakh*, 1996, no. 1, pp. 31–48.
27. Shchepikhin S.A. Pod styagom Uchreditel'nogo Sobraniya [Under the banner of the Constituent Assembly]. In: *Grazhdanskaya voina na Volge v 1918 g.* [Civil war in the Volga region in 1918]. Prague, 1930, pp. 165–213.
28. Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis. In: *World Politics*, 1977, vol. 29, no. 4, pp. 552–583.
29. Velikanova O. The Publik Perception of the Cult of Lenin Based on Archival Materials. Lewiston; New York, Edwin Mellen Press, 2001. 284 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлов Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, профессор Московского государственного областного университета и Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики;
e-mail: iborlov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor B. Orlov – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of Moscow Region State University and of National Research University, Higher School of Economics;
e-mail: iborlov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Орлов И.Б. Политическая культура Советской России в годы Гражданской войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 48–60.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-48-60

FOR CITATION

Orlov I. Political Culture of the Soviet Russia in the Civil War Years. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 48–60.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-48-60